

Бай Тун совсем не умел готовить, да и Се Фусюэ тоже.

Общее между ними было то, что, хотя готовить они не умели, оба мастерски притворялись.

Жизнь — это игра, и всё держится на актёрском мастерстве.

Се Фусюэ изображал роковую соблазнительницу, покоряющую сердца через желудок, а Бай Тун играл роль нежно любящего сокровища.

Можно сказать, что по сути они были совершенно одинаковы. Если бы в следующем сезоне вручали кинопремию, и эти двое сошлись в битве за награду, остальным можно было бы даже не смотреть.

Хотя Бай Тун ничего не умел, притворялся он превосходно.

Вскипятить воду, отварить овощи, забросить лапшу — всё было сделано на одном дыхании; он даже ухитрился поджарить глазунью со слегка сыроватым желтком, которую принято называть яйцом-пашот.

Выловив лапшу, он добавил пару веточек зелени, яичницу, залил всё это ароматным бульоном и посыпал аппетитными кружочками зелёного лука.

Когда он вынес блюдо, Се Минчжу от удивления лишился дар речи.

Клубы пара затуманили лицо Бай Туна, сквозь белизну кожи проступал мягкий румянец, а на миловидном лице сияли живые глаза.

Се Минчжу сглотнул пересохшим гордом:

— Почему ты вдруг решил сварить мне лапшу?

Бай Тун улыбнулся:

— Пить крепкое вино в одиночку вредно для желудка. Съешь что-нибудь легкоусвояемое, чтобы подкрепиться, и завтра, когда протрезвеешь, тебе будет хотя бы не так плохо.

— Ты всегда обо всём так заботишься.

Глядя на Бай Туна, Се Минчжу почувствовал во рту горечь, но тут же опустил голову и принялся за еду.

Сделав первый глоток,

Се Минчжу замер.

Бай Тун изобразил на лице крайнее напряжение, сглотнул слюну и устремил на него тревожный взгляд.

— Вкусно?

Ещё один глоток.

М?

С чего это вдруг так вкусно?

Просто невозможно остановиться!

Еда исцеляет души, и Се Минчжу, будучи человеком крепким телом, но ущербным разумом, на мгновение почувствовал тепло.

Он в два-три счёта умял всю порцию, поднял на Бай Туна жадный взгляд, и в тот же миг его желудок, который вроде бы должен был наполниться, громко заурчал.

В глазах Се Минчжу мелькнуло смущение, брови сошлись на переносице, образуя глубокую складку.

— Прости.

Бай Тун просто для вида сварил немного лапши — с виду красиво, а толку чуть. Он думал, что с его-то кулинарными талантами Се Минчжу лишь символически отведаёт ложечку, но никак не ожидал, что тот реально захочет добавки.

Уши Се Минчжу слегка покраснели, он кашлянул, приподнял миску и посмотрел на него с жалобным видом:

— Можно ещё одну миску?

Ешь, ешь, эта толстая жирная свинья только и думает о жратве!

Ладно, в мире простого работника остались только эти два слова.

Бай Тун подавил желание выругаться и, поднимая голову, сказал Се Минчжу:

— Если тебе нравится, я очень рад.

Но когда он снова опустил голову, начиная варить лапшу, он вновь задумался.

Се Минчжу и впрямь обожал эту фальшивую нежность.

Забрав пустую миску — бульон вместе с луком был выпит подчистую, — Бай Тун направился на кухню.

Бай Тун мысленно вздохнул:

Ну не до такой же степени. Правда, не до такой.

Се Минчжу произнёс:

— У тебя отличный кулинарный талант.

Бай Тун уточнил:

— Серьёзно? Ты сейчас всерьёз?

Се Минчжу кивнул:

— Конечно.

Бай Тун опустил лапшу в кипяток и ловко помешал её.

Се Минчжу стоял рядом и наблюдал за ним, его голос звучал абсолютно трезво — совсем не похоже на человека, перебравшего алкоголя.

— Я впервые вижу, как ты готовишь.

— Правда?

Бай Тун вытащил из кастрюли одну нить лапши и положил на блюдечко, чтобы Се Минчжу мог попробовать.

— Проверь, сварилась ли.

Приняв угощение из рук Бай Туна, Се Минчжу откусил кусочек.

— Не жесткая.

Бай Тун приподнял бровь:

— Значит, вылавливать?

— Угу, — кивнул Се Минчжу, с палочками наготове ожидая еды.

Бай Тун подумал, что он здесь вроде платной прислуги.

Сравнив это со стоимостью услуг домработницы, он невольно вздохнул: воистину, сердечные дела обходятся дороже всего.

Се Минчжу с аппетитом уплетал лапшу, и горячий бульон согрел ему живот.

— Ты будешь так же готовить для кого-то другого в будущем?

Бай Тун ответил:

— Для кого мне готовить?

Се Минчжу помрачнел, явно объевшись от избытка чувств:

— Для того, кого любишь.

Бай Тун замер, в его голове промелькнула не самая хорошая мысль.

Если этот мастер манипуляций так легко крутит Се Минчжу, не потому ли, что Се Минчжу... ужасно глуп в сердечных делах?

Он ведь всерьёз осмеливается говорить такое роковой обольстительнице!

Разве это не равносильно тому, чтобы добровольно подставить собственное уязвимое горло под чужой нож?

Бай Тун мысленно воздал почести своему золотому источнику дохода и окинул Се Минчжу взглядом, полным жалости.

— Разве я не тебе сейчас готовлю?

Бай Тун чуть приподнял уголки глаз, а внутренние уголки опустил — во взгляде проскользнуло что-то дерзкое, соблазнительное и манящее.

Се Минчжу застыл, его зрачки сузились, а сердце бешено заколотилось.

— Что... ты имеешь в виду?

Бай Тун пожал плечами и развёл руками:

— Ничего особенного. Возможно, именно то, о чём ты подумал.

Се Минчжу шагнул вперёд, и его высокая фигура полностью накрыла Бай Туна своей тенью.

— И что же это значит?

Ощущение давящей тени заставило Бай Туна запрокинуть голову, и в момент, когда их взгляды встретились, ему показалось, что он сейчас сгорит в этом огне.

Он отступил на шаг назад, но Се Минчжу протянул руку, пытаясь схватить его; не поймав, его пальцы лишь скользнули по шее Бай Туна.

У Бай Туна по всему телу побежали мурашки, от щекотки ему стало смешно, и он невольно хихикнул.

— Ты чего? — Бай Тун незаметно увернулся от его распутившихся рук, сдерживая рвущееся наружу раздражение.

— Прости, — Се Минчжу отступил. — Я просто слишком взволновался...

Он опустил голову, выражение его лица помрачнело, а в голосе сквозила глубокая, невыносимая боль.

— Могу я взглянуть на твою душу?

А вот и оно.

Се Минчжу, его золотой кочан капусты, прямо в требованиях указал, что ждёт отклика.

Бай Тун честно исполнил свой долг:

— Пожалуй, половина моей души принадлежит тебе.

Хороший мальчик, золотая моя капуста.

Зато во второй половине — сплошные мои денежки и сокровища!

Человеческое счастье устроено до смешного просто.

В зрачках Се Минчжу теплился крошечный огонёк, едва заметно дрожа и покачиваясь.

Он, должно быть, уже почти опьянел: взгляд расфокусирован, смотрит прямо на Бай Туна, а на щеках застыла редкая для него мягкая улыбка.

Опустив ресницы, он обвёл взглядом изгибы лица Бай Туна:

— Как хорошо, как хорошо, как хорошо.

Повторил аж три раза.

Бай Тун немного поболтал с ним, уговаривая лечь пораньше, и перед самым уходом заботливый Се Минчжу сам вызвал для него такси, как раз под конец смены, чтобы отправить домой.

Перед отъездом Се Минчжу ухватил его за полу одежды:

— Не обманывай меня.

Дурачок.

Ты ведь сам себя обманываешь.

Бай Тун улыбнулся, сощулив глаза, и качнул экран телефона с часами:

— Конечно, с чего бы мне тебя обманывать?

Глаза Се Минчжу на миг вспыхнули, но тут же снова потускнели.

.

Когда Бай Тун вышел от Се Минчжу, Чу Аньлинь всё ещё сидел на корточках у входа, выглядя донельзя замученным.

Бай Тун бросил на него мимолётный взгляд.

— Ждёшь меня?

Шагов за спиной не было слышно, и когда он молча материализовался рядом с присевшим на корточки Чу Аньлинем, тот едва не грохнулся на пятую точку от испуга.

Чу Аньлинь вскочил и завопил:

— К-кто тебя ждёт! Да ты вообще кто такой...

Уткнувшись взглядом в это лицо, он так и не смог договорить вторую половину фразы.

Ругать Бай Туна было всё равно что ругать Се Фусюэ.

Язык не поворачивался.

— Ой. — Бай Тун развернулся, чтобы уйти, но перед прощанием протянул Чу Аньлиню визитку.
— Если что-то понадобится, можешь обратиться ко мне.

Чу Аньлинь опустил взгляд.

[Его нет дома?]

[Одиноко, тоскливо, и в мыслях только он?]

[Жарко□ярко□драйвово□]

[Добавь меня, обсудим тайны любви вместе.]

[Сладкое личное сообщение, жду.]

[Контакты: ****]

Чу Аньлинь был потрясён.

Чу Аньлинь был в ужасе.

Он... он посмел использовать лицо Фусюэ для такого!

Чу Аньлинь посмотрел на сбившегося с пути юнца со смесью жалости и боли в сердце.

Спеша к машине, Бай Тун мельком перехватил взгляд Чу Аньлиня.

Мм? Какой-то странный.

Впрочем, неважно, наверное, просто слишком шокирован, увидев это лицо.

Мелочи жизни.

.

Во второй половине дня Бай Тун заехал в университет и у входа столкнулся с однокурсником по защите диплома, чьё имя он напрочь забыл.

Тот, напротив, узнал его с первого взгляда.

И выглядел чрезвычайно удивленным.

— ...Мелкий толстяк?!

Честно говоря, когда полузнакомый человек окликает тебя так посреди улицы, это способно вызвать лишь приступ ярости.

Бай Тун с каменным лицом прошел мимо него.

Протянутая рука Ша Би зависла в воздухе.

— Серьёзно, толстяк? Даже не отвечает? Что за бестактность?

— Потому что долбоёбы бестактны, а с невоспитанными людьми любезничать не обязательно,

— остановившись, бросил Бай Тун, прямо отмахнувшись от его руки, но глядя при этом ему прямо в глаза. — Иначе я буду выглядеть слишком безупречно на твоём фоне.

Ша Би остолбенел. В его памяти Бай Тун всегда оставался забитым и пугливым.

На первом курсе он был слегка полноватым, с личико размером с ладонь, черты лица теснились в кучу, бровей и глаз толком не разглядеть, а из-за привычки сутулиться и сжиматься при разговоре он вечно выглядел козлом отпущения.

Однокурсники его не любили, по имени почти не звали, а только пренебрежительно — толстяк да толстяк. Каждый раз, когда к нему так обращались, он заливался краской до корней волос, так что над ним просто грех было не посмеяться.

Позже, на третьем и четвертом курсах, расписания изменились, и Ша Би совсем потерял его из виду.

Кто бы мог подумать, что стоило тому пропасть на время, как он не только похудел, но и преобразился до неузнаваемости... и стал таким чертовски красивым!

Ша Би вытаращил глаза, пялясь на него.

На лице проступило застенчивое смущение, он даже боялся смотреть в ответ.

Даже оскорбления в свой адрес показались ему невероятно милыми.

— Малыш, выругай меня ещё разок!

— Кх-кх, — Ша Би покраснел до ушей, ужасно смущаясь. Искоса бросая взгляды на лицо Бай Туна, он моментально съеживался, словно черепаха в панцирь, стоило тому лишь бросить на него взгляд — и щёки тут же расцветали томатами. Возмнил себя красной редиской с рынка.

— Прости, я привык так шутить с остальными...

Ша Би и сам находил это странным: парень всего-то сбросил вес, почему же он стал выглядеть настолько потрясающе?

Ну правда же.

Ша Би украдкой, робко, ссутулив плечи, поглядывал на него.

Ах! Эта внешность.

Ах! Эти глаза и брови.

Лицо с ладонь, изящные и ослепительные черты, и даже этот полный презрения и безразличия взгляд, которым смотрят на мусор — как же он хорош!!!

Ша Би почувствовал, как в глуши его души пробуждается что-то странное.

Бай Тун с абсолютно серьёзным видом ответил:

— Я люблю послушать шутки, но терпеть не могу, когда шутят надо мной. Подожди-ка, я тут полистаю свой блокнот злопамятности.

Блокнот злопамятности?!

Ша Би припоминал, что раньше отпускал в его адрес немало шуточек, да столько, что сам уже со счёта сбился, но он никак не ожидал, что Бай Тун записывал их все до единой?!

Ша Би испугался. Ему стало до ужаса страшно угодить в чёрный список.

Бай Тун действительно извлёк на свет божий блокнотик для заметок:

— Говорят, ты быстро написал диплом, а заодно, проявив товарищескую заботу, доложил научнику, будто я ничего не писал. Ты так обо мне беспокоишься?

Если погибает верблюд, то каждая соломинка на его спине не безвинна.

В трагической судьбе прежнего владельца тела не был невиновен ни один из подонков или окружавших его людей.

Этот мир прекрасен, а без подонков он станет ещё лучше.

Он с громким хлопком захлопнул блокнот, его веки слегка приподнялись, а линия глаз изогнулась мягким полукругом.

Дерзко и вместе с тем ледяно.

Изящные черты лица подчёркивали презрение и отвращение.

Мягкие, бледные губы не выражали ни радости, ни гнева, линия рта была прямой, но при каждом слове подрагивала пухлая ложбинка над губой, напоминая крошечную спелую

вишенку.

Голос Бай Туна оставался совершенно бесстрастным:

— Что ж, может, у тебя найдутся какие-то возражения?

Под этим презрительным взглядом Ша Би сглотнул слюну.

Как бы это сказать.

Ха-х, совсем не страшно, хе-хе, даже не пугает.

Просто... он какой-то странный.

И с чего это взрослому мужику думать о том, чтобы позволить растоптать себя таким взглядом?

От автора:

Се Минчжу: Ты называешь это странным? Ты просто слюни пускаешь на его тело, бесстыдник!

<http://bllate.org/book/21952/2280879>